

И ВДРУГ Я ПОДУМАЛ... *Культура. - 1993. - Золот. - С. 7*

О душе артиста

Когда в 77-м году умер Чаплин, я учился во ВГИКе. В холле третьего этажа на колонне повесили плакат. Это был вытянутый по вертикали абсолютно черный прямоугольник. Белыми были лишь нарисованные следы подошв знаменитых башмаков Чарли. Они цепочкой, один за другим, постепенно уменьшаясь и превращаясь в точку, вводили внутрь черного пространства. Внизу было написано: умер Чаплин. И в металлической коробке из-под пленки лежали живые цветы. Лаконичность плаката соответствовала нашим чувствам. Так или иначе причастные к кино, мы хорошо понимали, что такое для искусства, для нас самих это короткое словосочетание — «Умер Чаплин». Других слов — торжественных, возвышенных или сухо-аналитичных — не требовалось.

Когда душным летом 80-го умер Высоцкий, когда еще оставалось время до того часа, в который мы и тысячи нам подобных стали продираться сквозь милицкий кордон к его гробу, по всей Москве шел перезвон, начинавшийся одной-единственной фразой: «Ты знаешь? Умер Высоцкий». И этого тоже было достаточно, и сказано этим было очень многое. Хотя где-то в глубине сознания зрела уверенность, что вместе с опальным поэтом умирала эпоха, о чем еще будут написаны книги.

А спустя десятилетие для миллионов юных фанатов так-

же лаконично и безнадежно прозвучало: «Погиб Цой».

Говорят, душа умершего человека остается на земле 40 дней. На сколько же остаются на ней души художников, души, вложенные в ноты, строчки, кадры?.. Душа простых смертных, отстрадав положенный срок, покидает нас под гул традиционного застолья. А души артистов остаются и маются, изучаемые, воспеваемые, охаживаемые, беззастыдливые, проходящие через сотни рук... И нет им покоя долго-долго. И быть по-другому, наверно, не может.

На старинном провинциальном кладбище мне запомнилось обколотое каменное надгробие. Под ним покоился некто «Мещерский Иван Елисеевич, артист, скончавшийся в 1897 году в возрасте 52 лет». Кто скажет теперь, какой он был, Иван Елисеевич, какие роли играл, пользовался ли популярностью, оставил ли после себя детей или, всю жизнь проштатавшись по третьесортным уездным гостиницам, так и умер, оплакиваемый лишь двумя-тремя товарищами по сцене?..

Знакомый мотив. Бедный Йорик.

На надгробии этом написана эпитафия: «Он душу людям отдавал, теперь ее он отдал Богу».

Богу — Богово. Как все просто и ясно. И если эта передача удалась покойному Ивану Елисеевичу, то и хорошо. Но не всем так везет.

Богу — Богово. Но поговорим о живых.

Как-то раз вдруг пришла в голову дурацкая мысль перечислить имена тех ныне живущих художников, к которым хорошо относятся все. При упоминании о которых не появлялось бы усмешки, не возникали бы язвительные вопросы о прошлом, о семейном положении, о неудачах, о слишком легких победах, о пластической операции, вернувшей молодость, но едва не стоившей жизни, о романах, о... да о чем угодно. Которым не перемывали бы косточки газеты, которые не использовали бы в своих играх политики. Словом, да простится мне пафос, которых именovali бы Художниками с большой буквы безо всяких скидок и оговорок. После пятого-шестого имени я вынужден был прекратить счет. Некого было вспомнить.

«Он душу людям отдавал». А ведь и правда, отдавал! И Чарльз Спенсер Чаплин, и Иван Елисеевич Мещерский.

Хорошо известно, что людей щедрых, широких, оказывающих благодеяния, часто не любят. Бескорыстие и благородство служат на образцом для подражания, а, разжигая затаенные комплексы в обывателях, действуют против самих же носителей этих высоких качеств. Артисты, музыканты, поэты в большинстве своем отдают душу людям. Бескорыстно и без остатка. Надо отдать справедливость, многие понимают это и ценят. И пла-

тят своим кумирам безграничной любовью и преданностью. Но не все. И не всем. И такое ощущение, что, чем дальше — тем положение неприятней.

Я не знаю, кто сказал нашим журналистам (и в газетах, и на радио, и на телевидении), кто открыл им по секрету, что ерничество и насмешка — это самый современный профессиональный их прием. Ссылаются на Запад. Мол, у нас была зеленая скука, а у них — все легко и остроумно. Точно, было так. Но вот стали показывать зарубежные телепередачи, переводить и печатать статьи. И оказалось, что там в большинстве случаев в интонации материала определяющую роль играет сам факт. Если факт трагичен — интонация его изложения будет такой же. Или по меньшей мере беспристрастной. Ну а если факт смешон, его уж так раскрутят — обхохочешься. Но чтобы, как у нас, независимо от сути, обо всем — главное поиздеваться, поерничать!..

И, конечно, первыми жертвами этой модной журналистики пали актеры. И вообще художники. Читать многие статьи и смотреть передачи просто неприятно. Они свидетельствуют о полной слепоте и неблагодарности.

«Он душу людям отдавал...» А мы, коллеги, что мы даем взамен? Деньги? Но деньгами оценивает душу лишь дьявол.

Когда-то давно Окуджава написал: «И все-таки я жду из тишины, как тот актер, который знает цену Чужим словам, что он несет на сцену, каких-то слов, которых нет цены».

Скажем их?..

Сергей БЕДНОВ.